3-й год издания

№ 33

Рис. Л. Бродаты

СМЕХАЧ

НОЯБРЬ 1925

Цена 25 коп.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ХУЛИГАН

— Ишь, сколько мильтонов нагнали... Видать, что на нашей улице праздник!

В целях разгрузки Москвы решено перевести в Ленинград несколько высших учебных заведений.

А ТОЛЬКО ВУЗ И НЫНЕ ТАМ

„ЗАСТРАХОВАННЫЙ“

1. РОКОВОЙ ПРЫЖОК

Пациент, торопливо вошедший в кабинет хирурга, производил весьма приятное впечатление: он весь блестел—с ног до головы—прекрасно вычищенными ботинками, новенькими пуговками на костюме, выбритыми щеками и под ноль стриженой головой. На первый взгляд он поражал гармонией человека благоустроенного и здорового (блестящее здоровье!).

И только блеск его глаз был какой-то мрачно-отчаянный.

Пациент сел на стул против хирурга и решительно заявил:

— Доктор, я хочу произвести себе операцию. Вот тут.

Он покрутил пальцем и ткнул в живот.

— Погодите, дорогой, погодите—успокоительно-ласково заметил хирург:—к чему такая спешка? Может быть, мы обойдемся без операции. Ну-те-ка, растегнитесь. На что жалуетесь?

— Э! куда там жаловаться, доктор. Я желаю только произвести операцию. Живот-то—мой собственный, кажется,—не профсоюзный? Могу я, кажется, им распорядиться?!

Хирург, помяв пациенту внутренности, откинулся на спинку стула.

— Ну, батенька, у вас всё в прекрасном состоянии, и нет оснований резать. Сейчас я вам пропишу микстурку для нервов и все тут.

— К чорту нервы!—заорал пациент: Будете резать, спрашиваю я вас?

— Нет-с, милый. Напрасно волнуетесь. Уверяю вас, что...

— Ах, так?!

И не успел доктор пикнуть, как странный посетитель подскочил к окну, высадил стулом оба стекла и прыгнул в окно, с высоты третьего этажа.

Доктор, растерянно взмахнув руками, бросился к двери.

В кабинете, на стуле, остался пиджак самоубийцы, а в пиджаке—посмертная записка, свидетельствовавшая о заранее обдуманном роковом шаге.

2. ПОСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА

ЧЛЕНА МЕСТКОМА, ИЛЬИ ФЕДОРОВИЧА НЕСЧАСТНОВА

„ Что, взяли, черти? Вот и произведу операцию! А ежели помру, то в моей смерти убедительно прошу винить союз совработников, запретивший месткомам, в целях борьбы с растратами, производство хозяйственных операций: закупку дров, муки, эксплоатацию дач и т. п.

Так и в газете было написано: „и т. п.“ А что оно означает: „и т. п.“? Формулировка довольно неопределенная, так что наша ревизионная комиссия расшифровала по-своему.

К каждому члену месткома приставлен наблюдатель-эксперт, чтобы он разбирал, что нам можно и что—„и т. п“.

Куда я, туда и он, подлец! Я, допустим, в парикмахерскую, и он в парикмахерскую.

— Конечно,—говорит—это по существу хоз-операция, но не могу же я за вас стричься-бриться! Ладно, валяйте в мою голову. Эй, парикмахер! отбрейте и отстрижите нашего члена месткома. Я заплачу, как ему операции воспрещены.

Или, допустим, сижу в месткоме. И он сбоку! Я—за ручку, чтобы писать. А он, подлец, опять размышляет:

— Это - говорит—можно. Шпарьте на здоровье, на пользу дела.

От злости швыряю ручку и покурить собираюсь.

— Стоп!—говорит: — Курение вредит здоровью. А раз мы оберегаем местком от растраты, то можно ли допустить вам растрачивать здоровье? Кто пополнять будет? Проф-казна через курорты? Гм! Отложьте-ка папироску, на основании „и т. п“.

И таким манером каждый шаг под контролем! Ботинк. чистют, пуговицы пришивают, стригут-бреют, в баню водят.

Я, скажем, парюсь, а он одергивает:—Не зарывайтесь.

Что же это, братцы?! Какой же мы местком, если нету доверия?!

Я, может, отродясь о растратах не помышлял, а теперь на-зло так бы и свистнул чего нибудь казенное, что плохо лежит. Да вот горе: ничего теперь не лежит плохо. Чернильница в месткоме, допустим,—привинчена к столу. Перо к ручке припаяно,

а ручка на цепке. *И т. п.* А все казенные суммы под отчетом у особого уполномоченного, который, гляди, в один случайный день все их и растратит: ему операции разрешены!

Терпел я, терпел — и вижу, нет моей полной возможности. Операцию! Хоть какую ни-на-есть распаршивенькую операцию, но чтобы произвести самостоятельно. А коль не удастся, тогда — крышка: самоубьюсь!

Вот, как дошел я до преждевременной кончины. Не поминайте лихом.

Член месткома Илья Несчастнов.

3. НА МЕСТЕ ГИБЕЛИ

Испуганный хирург колесом скатился по лестнице, — на улицу, запруженную народом.

— Где труп?

Неизвестный улыбающийся гражданин бодро подскочил к хирургу.

— Все обошлось благополучно. Труп жив. Мы с товарищами во время подставили шинелку. Позвольте отрекомендоваться: наблюдатель-эксперт Малыгин.

Между тем, труп-неудачник стоял, окруженный охраной, ошалело ворочал глазами и бормотал:

— Последнюю операцию, и ту сорвали! Пропал человек!..

Его подхватили под-руки и повели наверх, в квартиру хирурга — одеваться.

Ив. Прутков

ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

„Предлагается всем домохозяевам в недельный срок провести с мельницы в свои помещения электрические провода и электрофицироваться

Невыполнение сего влечет за собой арест на семь суток или же штраф в размере не ниже 25 рублей".

(Обязательное постановление Доброеличковского райисполкома, Первомайского округа)

Передо мною в полный рост
Фигура предрайисполкома...
Сижу, ловя себя за хвост:
— Что в этом типе так знакомо?
Тупой лопатой борода.
Гляделки рысьи. Плешью темя.
Где я видал его? Когда?
В каком быту? В какое время?
Мысль тщетно бьется из препон
И вдруг — течет неудержимо...
Я вспомнил! Вспомнил! Это он —
Урядник старого режима!
Знаток капканов и засад,
Гроза мужицкого нахальства,
Поборник: „Ос-сади назад!"
Во имя мудрости начальства,
Разгадчик помыслов и снов,
Надрывный мученик карьеры
И столп незыблемых основ
Самодержавия и веры!
Он! Он! Кому-б еще пришло,
Явив широкую натуру,
Гнать „предписаниями" зло?
Кутузкой насаждать культуру?
Блюсти заветы „в-аккурат"?
И как лихой брандмейстер
с крыши
На нотках: „Ос-сади назад"!
Командовать: „Впер-ред и выше"

Сижу. Нарушен мой покой.
Ах, чтоб ни дна вам, ни покрышки!
Аж в сердце кисло — от такой
Почти столыпинской отрыжки!

А. д'Актиль

МИНУС НА МИНУС ДАЕТ ПЛЮС

Сидел на рынке старичок. Сидел и торговал. А товару у старичка — меньше малого: два замочка, перочинный ножичек и лампочка электрическая. Каждый вечер подходил к старичку человек и начинал разговор следующим образом:

— Черти, сукины дети, чтоб их! Опять уперли! Двадцатипятисвечную, сволочи!

Старичок снисходительно кивал головой и говорил:

— Действительно, оказия! Не люди пошли теперь, а звери какие-то!

После этого человек покупал лампочку и обращался к старичку:

— Ты уж заверни ее.

Старичок охотно исполнял просьбу и доставал из-под скамеечки „Правду".

Это бывало вечером... Утром же, чуть открывался рынок, к славному старичку приходил мальченка лет 15-ти и передавал завернутую в „Правду" вещь. Передавая ее, мальченка говорил:

— Черти, сукины дети, чтоб их! Опять какую-то сетку придумали, припой. Сволочи!

Старичок снисходительно кивал головой и говорил:

— Вот оказия! Теперь человек, что зверь стал! Свое как ехидно бережет!

И, платя мальченке деньги, старичок добавлял:

— Ты уж газетку-то оставь. Вечером опять завернуть не во что будет!

Ну вот! А вы, читатель, хнычете! Оборота у частного торговца нет! Уж чего чище оборот! За месяц — тридцать раз товар оборачивается!

М. К-ий

ЕДИНСТВЕННЫЙ

— Я никогда еще в жизни не растратил ни одной копейки, — сказал брюнет.

— Вероятно, вы также далеки от казенных или чужих денег, как земля от солнца, — ответил блондин.

— Ошибаетесь, я служу в Госбанке!

— Вы — лгун!

— Больше того, через мои руки проходят ежедневно тысячи рублей, червонцы, пятерки, тройки, словом, настоящие „растратные" деньги!

— Не верю, молчите!

— Хотите докажу, — обиделся брюнет. Завтра вы пойдете ко мне на службу и убедитесь!

На завтра блондин видел, как брюнету разные люди сдавали деньги. Брюнет считал их и аккуратно складывал...

Блондин застыл от удивления, но тут же его глаза увидали надпись на окошечке, за которым сидел брюнет:

Прием рваных и негодных к обращению денег

М. К—ий.

О С Е Н Н Е Е

Рис. Н. Радлова.

— Газетчик, дай-ка газету.
— Какую изволите: вечернюю или утреннюю?
— Все равно, братец. Галоши спадают, подложить бумаги надо.

ВУЗОВЦЫ НА ПРАКТИКЕ

На ряде Ленинградских фабрик и заводов несовсем благополучно обстояло дело с постановкой производственной практики студентов. Бывали случаи назначения студентов, даже имевших квалификацию по некоторым производствам, на черные работы. А на одном из заводов всю партию студентов одного из учебных заведений сразу же назначили на развозку мусора в тачках. (Из газет).

Рис. Н. Радлова.

Зав: **-Ишь, как здорово чистят, подлецы... Что значит, высшее образование!**

ПРОВОДЫ

Прохор сезонник с сынком молодым
Едут в деревню и напились в дым.
Пять земляков прибрело на вокзал.
— Нужно отвальную,—кто-то сказал.
Умную речь сват Егор похвалил.
Прохор трояк на пропой отвалил.
Лясы, турусы, да тары—да бары,
Кум Николаша поставил две пары,
После примазал десятник Фаддей:
— „Д янине жаль для хороших людей“.
Чокались часто по разному поводу:
— „Ежели проводы, стало быть,
проводы!
Три лишь загула за целый сезон,
Стало быть, выпить имеем резон“...
Дюжина снова. Лобзанье без фальши.
(Прохор „дорожные“ спрятал подальше).
Трудно „с нагрузкой“ поднять телеса:
Поезд ушол, говорят, с полчаса...
Правда, на счастье, добавочный есть.
Нужно „добавить“ и снова присесть.
Кума обидел подвыпивший сват,
Слово да слово.—выкрики, мат,
В рыло тарелкой с остатком котлет...
Прохор спьяна „усудобил“ билет...
Тут-же отчислил без всяких затей
Десять на корм беспризорных детей...
Так да растак, да нельзя уезжать.
И—милицейский пришол „провожать“.

Мих. Андреев

БЮРО ПРОВА АРТЕМЬИЧА

(вполне правдоподобная история)

Число симуляций растрат—почти равно числу растрат действительных...
Судебная хроника.

Когда Прову Артемьичу Спицину дали за 20-ти тысячную растрату высшую меру наказания, потом заменили 10-ю годами с изоляцией, потом сбавили по амнистии на 5, затем снизили по постановлению разгрузочной комиссии на год, да и тот—условно, Пров Артемьич помудрил немного, взял из хорошо спрятанных двадцати тысяч две, и открыл бюро.

Полно наименование его было:

— Бюро юридической консультации и практических советов лицам, симулирующим растраты, под наблюдением опытных спецов с многолетней практикой.

Но так-как Пров Артемьич работал без вывески и даже без бланков, то публика звала его детище просто бюро (или бюрой—в зависимости от степени неграмотности).

Впрочем, шла за консультацией и практическими советами густо.

По утрам забегал клиент мелкий, несолидный клиент.

— И как это можно,—журил Пров Артемьич какого-нибудь юнца,—самому себе карманный вырез делать? Любой следователишко теперь кустарные вырезы от профессиональных отличать обучен. В рассуждении выреза, мы, гражданин, специального карманника держим. 10 приводов, 4 судимости. Сколько благодарностей получали через его работу!

С часу шел клиент покрупнее. Соответственно менялся и Прова Артемьича тон.

— Тысченки четыре хапнуть задумали-с?—спрашивал Пров Артемьич.

— Шесть,—говорил клиент.

— Кругленькая сумма - шесть,—одобрял Пров Артемьич. Для шести тысяч могу предложить ограбление под дурманом. Работа чистеющая. И издержки по средствам: 10 процентов с суммы.

— Поранение бы какое-нибудь—из легких,—высказывал желание клиент.

— При дурманном ограблении поранения не подходят,—солидно возражал Пров Артемьич.—С поранением можем предложить квартирный налет. Только супругу-с не предупреждайте: так естественнее будет. Можно сказать: даровая свидетельница...

По вечерам, в после-приемные часы, заходил иногда клиент высшей марки, из председателей. В эти минуты Пров Артемьич делался артистом. В его тоне звучали тогда нотки вдохновения.

— Ограбление на Тверской-Ямской!—импровизировал он.—Сорок человек нагоним! Трамвай остановится! Паника! Давка! Свистки! На панели пустой портфельчик

вляется. В вечерней газете—афишная: „Дерзкое ограбление председателя среди бела дня“! Сами погоню организуете! Сами в милиции тарарам подымете! Еще благодарность получите и двухмесячный отпуск для поправления здоровья!

— И почем?—спрашивал клиент.

— 12 процентов и расходы,— скромно говорил Пров Артемьич.—И то дешево беру. Подумайте: народу сколько! Не симуляция, а кино-постановка—честное слово!

— Хорошо,— соглашался, подумав, клиент.

И вдруг Петр Артемьич засыпался. Глупо засыпался. Как мальчишка по первой краже.

Праздновал, за клиентов счет, одну богатеющую симуляцию, не расчитал и перепился. А перепившись, стал буянить. И—как рассказывали—будучи забран в отделение, долго объяснял дежурному, кто он таков, и почему к нему подступиться нельзя. А кончил заманчивым предложением:

— Гражданин начальник! У таких, можно сказать, сумм сидите! Да я вам за какие-нибудь гроши художественную растратку обсимулирую—останетесь довольны! Гражданин растратчик!

Сначала дали Прову Артемьичу, не разобравшись как следует, один год условно, но по кассации прокурора повысили до 5-ти. Так-как сразу-же после приговора выяснились новые обстоятельства, то эти 5-ть быстро выросли в 10-ть с изоляцией. И если дело не дошло до высшей меры наказания, то только потому, что Пров Артемьич вскоре-же помер в исправдоме от удара.

Ударил его засыпавшийся вместе с ним карманник-артист (10 приводов и 4 судимости) дверным болтом по виску.

Мелитон Шишкин.

НАГЛЯДНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО—

Рис. Б. Антоновского.

Финансовое положение Франции и, в связи с этим, положение кабинета Пенлеве остаются катастрофичными.

— Пенлеве море по колено.

ПО УЛИЦЕ МОСТОВОЙ

(Вклад „Смехача“ в народную поэзию).

В Новоузенском у., Сарат. губ., земли, переданные переселенцам, имеют большой недостаток в обводнении. Крестьянам приходится ездить за водой за 10—20 верст. („Беднота“).

Рис. В. Козлинского.

По улице мостовой
Шла девица за водой.
Стан у девки в кумаче,
Полушалок на плече.

Полушалок разношёрст,
Ходу девке 20 верст.
Растуды твою туды,
Ближе нетути воды.

Новоузенский уезд—
Кого хошь, того заест,
А запить и не моги—
Власть совецка, помоги!

Говорит совецка власть:
Дам воды напиться всласть,
В наступающем году
Сине-море проведу!

МУЖ

Да что ж это, граждане, происходит на семейном фронте? Мужьям-то ведь форменная труба выходит. Особенно тем, у которых, знаете, жена передовыми вопросами занята.

Давеча, знаете, какая удивительная картина. Прихожу домой. Вхожу в квартиру. Стучусь, например, в собственную свою дверь—не открывают.

— Манюся,—говорю своей супруге,—да это же я, Вася, пришедши.

Молчит. Притаилась.

Вдруг за дверью голос Мишки Бочкова раздается. А Мишка Бочков—сослуживец, знаете ли, супругин.

— Ах, говорит, это ты Василь Иваныч? Сей минуту, говорит, мы тебе отопрем, Обожди, друг, чуточку.

Тут меня, знаете, как поленом по башке ударило.

— Да что ж это, думаю, граждане, происходит-то на семейном фронте—мужей уж впущать перестали!

Прошу честью:

— Открой, говорю, Миша, курицын сын... Не бойся, драться я с тобой не буду.

А я, знаете, действительно, не могу драться. Рост у меня, извините, мелкий, телосложение хлибкое. Не могу я драться. К тому же, знаете ли, у меня в желудке постоянно что-то там булькает при быстром движении. Фельдшер говорит: „это у вас пища играет“. А мне, знаете, не легче, что она играет. Игрушки какие у ней нашлись! Только, одним словом через это не могу я драться...

Стучусь в дверь.

— Открывай, говорю, бродяга такая.

Он говорит:

— Не тряси дверь, дьявол. Сейчас открою.

— Граждане,—говорю,—да что ж это будет такое? Он, говорю, с супругой закрывшись, а я уж ему и дверь не тряси и не шевели. Открывай, говорю, сию минуту, или я тебе сейчас шум устрою.

Он говорит:

— Василь Иваныч, да обожди немного. Посиди, говорит, в корридоре, на сундучке. Да коптилку, говорит, только не оброни. Я тебе нарочно ее для света поставил.

— Братцы, говорю, милые товарищи! Да как-же, говорю, он может, подлая его личность, в такое время мужу про коптилку говорить спокойным голосом? Да что ж это происходит?

А он, знаете, урезонивает через дверь:

— Эх, дескать, Василь Иваныч, завсегда ты был беспартийным мещанином. Беспартийным мещанином и скончаешься.

— Пущай, говорю, я беспартийный мещанин, а только сию минуту я за милицией сбегаю.

Бегу, конечно, вниз, к постовому.

Постовой говорит:

— Предпринять, товарищ, ничего не можем. Ежели, говорит, вас убивать начнут, или например, из окна кинут при общих семейных неприятностях, то тогда предпринять можно... А так, говорит, ничего особенного у вас не происходит... Все нормально и досконально.. Да вы, говорит, побегите еще раз. Может, они пустят.

Бегу назад—действительно, через полчаса Мишка Бочков открывает дверь.

— Входите,—говорит.—Теперь можно.

Вхожу побыстрее в вомнату — батюшки светы—накурено, наляпано, разбросано. А за столом, между прочим, семь человек сидят—три бабы и двое мужчин. Пишут. Или заседают. Пес их разберет.

Посмотрели они на меня и хохочут.

А передовой ихний товарищ, Мишка Бочков, нагнулся над столом и тоже, знаете, заметно трясется от хохоту.

— Извиняюсь,—говорит,—пардон, что над вами подшутили. Схота нам было знать, чего это мужья в таких случаях теперь делают.

А я ядовито говорю:

— Смеяться, говорю, не приходится. Раз, говорю, заседание, то так и объявлять надо. Или, говорю, записки на дверях вывешивать.. И вообще, говорю, когда курят, то проветривать надо.

А они посидели, посидели и разошлись.

Мих. Зощенко

ПРИНЦЕССА СМЕРТИ

Дирижер размахнулся фалдами фрака
Двенадцать смычков оседлали фокстрот,
И тысяча рож из партерного мрака
Раскрыла в волнении рот.

———

По гибким, тугим и надёжным канатам
Для всех оплативши входной биле ,
Взбиралась под купол мисс Шерри Агата,
„Принцесс ." шестнадцати лет.

———

Гудела галёрка всё тише и тише.
Зеленым шелком блеснуло трико...
„Принцесса Смерти"—стоит на афише,
Но прыгнуть в смерть нелегко.

———

В ложах заёрзали шубы-еноты,
Пышные бюсты укрылись в меха:
— Скорей бы... К чему эти паузы, длинноты?
Подумаешь—номер!.. Не риск—чепуха!

———

Митька-Стервец двинул локтем Анютк
Глянь-ка халява, слетит, коль не врёт...
Минуту, граждане! Одну минутку!..
Маэстро, вниманье!.. Бросайте фокстрот

———

Бритый мужчина потрогал канат
И кинул девушке в купол: „Алле!"
Потные люди, страхом примяты,
Глазами ищут трико во мгле...
Дробь барабана... Секунда... Вторая
Летит?..
Полетела!..
Неправильно!!
Ах!!!

. . . .

И на доски циркового сарая
Мисс Шерри Агату снесли на руках.
Мужчина в ложе, угощая соседку,
Сказал ей, упитан, румян, и здоров:
— Пора бы, собственно, приготовить сетку
Для таких номеров...

———

А люди в кафтанах, готовя смену,
Скрутили канаты в привычный жгут,
И вынесли молча плакат на арену:

Антракт пятнадцать минут.

Александр Флит.

НАШИ „ЧЕРЕЗ"
(Лозунги в быту).

Трам-воровские:

Через переднюю площадку, в задний карман!..

Хулиганские:

Через битое стекло, к смыслу жизни!..

Кооперативные:

Через труп червяка, лицом к потребителю!..

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ

Рис. К. Рудакова

— Иван Иваныч наш вчера цельный день в Кремле прошатался: во Вцике был, в Совнаркоме был ..
— Что он—ответственный пост, что ли занимает?
— Не... Полотеры они...

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ.

Услышав звонок, Варвара Павловна Таманцева, очаровательная женщина, имевшая в своем распоряжении чудную квартирку и незастрахованную домашнюю работницу Лушу, поспешила открыть дверь. Эту незатейливую работу пришлось выполнить потому, что Луша была послана с поручениями на весь вечер.

Открыв дверь, Варвара Павловна замерла на месте. Перед ней стоял неизвестный товарищ в кожаной куртке с каким-то замочком на груди. В руках неизвестного был портфель Варвара Павловна сообразила все в одну секунду... Да, да, безусловно, он! Обследователь жизни прислуг! Об этом теперь много пишут и говорят... За эксплоатацию прислуги штрафуют, арестовывают, высылают... А Луша незастрахована! О, боже! Варвара Павловна учла все это сразу, и гениальный план проник в ее белокурую головку. Она непринужденно вставила наманикюренный палец в ноздрю и нараспев спросила:—Вам кого, барыню? Ей нет!

Гражданин удивленно взглянул на двухкаратное кольцо, украшавшее ковыряющий палец, и сказал:—А вы, гражданочка, кем здесь будете?

— Мы—прислуги,—заявила Варвара Павловна, меняя ноздрю:—Завсегда в них состояли на страже интересов, и не надо нам монахов, и не надо нам попов!

Фраза произвела на товарища хорошее впечатление. Он с любопытством взглянул на кротовую жакетку, прикрывавшую белые плечи Варвары Павловны. А она, уже увлекшись своей ролью, продолжала:

— Ох, какая у меня барыня! Прямо—не поверите, прямо политкаторжанка душой! Вот заместо прозодежды—жакетку выдала мне... А работы у меня—час в сутки.. Ничего барыня мне делать не позволяет... Все говорит, что от работы маникюр на мозолистых руках портится... И притом, какая она антирелигиозная! Бога—чертыхает всегда! Ей бы в Женотделе при Нар коминделе делегаткой быть, а не то, что так! Вот какая у меня барыня, тов. обследователь!

При последнем слове гражданин самодовольно улыбнулся и положил руку в карман. Увидя этот жест, Варвара Павловна засуетилась еще больше... — Так что, тов. гражданин-обследователь, вы уж все запишите! И что жалованья я получаю по индивидуальному бону на культпросвет 100 рублей ежемесячно, и что в Ялте я в этом году со всеми прочими трударями все лето жила, и что барыня моя вполне безусловная кандидатка по образу мыслей и прочее...

Но тут гражданин вдруг взглянул на чудную обставовку гостиной и громовым басом заорал.

— Эксплоатируют тебя, здесь, домработница. Хозяйка ваша — гиена! Вы — несознательны Вам глаза деньгами и Ялтой закрывают, а свободы у вас нет!

Варвара Павловна побледнела.. Хотелось угостить товарища вином, привезенным с юга шоколадом, словом, чем угодно, лишь бы он не оштрафовал хозяйки, чудной, щедрой, безбожной, отзывчивой и лойяльной... А гражданин продолжал:

— Да, свобода твоя заперта в эти комнаты, и нет у тебя выходного дня, как нет солнца в темнице!

— Выходного дня нет? — возмутилась Варвара Павловна,—да у меня десять выходных дней в неделю, не считая октябрьских праздников и 1-го мая. Моя барыня меня всегда для охраны труда и материнства гулять высылает.

— Не верю!—прогремел гражданин. Докажи, что ты трудовая дочь, а не приспешница! Выходи сейчас гулять! Небось, слабо? Трусишь, да?

— Я? Нисколько!..—И, надев манто, Варвара Павловна вышла с неизвестным на улицу. Прощаясь на улице, добрый товарищ говорил:

— Вот что, дорогая! Я буду следить за тобой! Раньше десяти не возвращайся, а то я пойму, что ты с капиталом заодно! Пойди в домпросвет на лекцию и запишись в друзья радио! Это вашей сестре необходимо!

Возвращаясь поздно вечером домой, усталая от новых впечатлений, Варвара Павловна заметила три вещи: взломанную дверь, почти пустую квартиру и записку, приколотую к люстре. На записке было:

„Уваж. гр. Может я виноват, но вы апсолютно палитнеграмотны. Я на арапа дзванил, а увидел вас думал засыпался. Но от вас идейная мысль исходила и я воз пользовался. Звиняюсь. Уважаемый вас (подпись неразборчива").

М. Коварский

ЛЮДИ И СКОТЫ

Рис. А. Радакова

В крестьянской семье нередки случаи, когда женщина все еще на положении рабыни.

— Ты мне, Аксинья, головы-то не морочь, что ты на-сносях... Што мне до тебя, когда у меня племенная свинья поросая!..

НАВОЖДЕНИЕ

Петр Петрович Туриков остановился на площадке второго этажа у своей двери, приготовил французский ключ и от удивления даже рот приоткрыл: на двери, на *его* двери, красовалась медная дощечка, на которой славянской вязью было выгравировано:

Мартын Мартынович КУТЕПОВ.

Туриков протер пенснэ, потом снял их и, чуть не стукнувшись носом о дверь, проверил. Нет, факт! Он взглянул на № квартиры, и № квартиры был Кутепова—„13". А этаж был второй, Туриковский.

Он перегнулся через перила и проверил: этаж был его. Он пожал плечами и поднялся на третий этаж, где раньше жил Кутепов На двери была медная дощечка с прямыми буквами:

Петр Петрович ТУРИКОВ.

Туриков даже вспотел. Дрожащими руками сунул он ключ—ключ не входил. Он поглядел на № квартиры. № был его—„12".

Туриков позвонил, дверь открыла жена Кутепова Туриков извинился и, даже не указав ей на дощечку, помчался вниз. Открыл дв рь, на которой была фамилия Кутепова, своим ключем. Навстречу выбежали сынишка и няня. Туриков бросился в кресло и попросил стакан воды.

... А в 17-м №-ре шпаненок Мишка, показывая отвертку, говорил братишке:

— Этой вот штуковиной я сегодня веселое дело сварганил: будут Кутепов с Туриковым по лестнице бегать!

Исгур.

КАРТЫ

На домовом собрании управдом сознался, что проиграл в карты 50 рублей домовых денег.

Сообщение управдома произвело ошеломляющее впечатление. Рыхлая жилица из 17-го номера сползла на пол в глубоком обмороке. Часть жильцов во главе с председателем жилтоварищества потребовала высшей меры наказания без применения амнистии. Казначей бросился к телефону, чтобы вызвать собаку-ищейку.

Тогда среди общего смятения и криков встал управдом. Лицо его было бледно, но вдохновенно.

— Дорогие граждане!—сказал он дрожащим, но ясным голосом.—Ну, арестуют меня, ну, суду предадут, ну, посадят даже, но дому то от этого фактической пользы вед, все равно, не будет! Как были уборные нечищены, так и останутся, как были в сарае замки поломаны так и впредь будут. Лучше дайте мне еще пятьдесят рублей, пойду я с ними в клуб и не только те пятьдесят, а еще и новую сотняжку наиграю. Вот тогда заживем по царски: у Павла Моисеича новый горшок поставим, у Софии Ефимовны обои переменим, а дворникову козлу сарайчик маленький выстроим, чтобы он, паскуда, в квартире не гадил. А если полторы сотни нагоню, тогда, пожалуй, и помойку вычистить можно будет...

Сладкие грезы овеяли собрание. После короткого совещания постановили:

Выдать управдому 50 рублей. Откомандировать в клуб, для наблюдения за игрой, председателя жилтоварищества и от пролетарской части населения—дворника Осипа.

Игра была в полном разгаре. Потные лысины озабоченно качались над столом. Управдому везло.

— Баста!—прохрипел д орник, склонясь над управдомской головой.—Свое отыграл и домой.

— Балда!—счастливо засмеявшись, ответил управдом.—Не видишь разве, что карта поперла?

— Действительно, глупо человеку от своего счастья отказываться!—солидным баском сказал председатель жилтоварищества, гордо озираясь кругом.

И снова закипела игра. И снова послушными птицами начали ложиться карты. Налево и направо.

Следующее собрание началось очень бурно.

— Бей его, сукина сына!—кричали дружно жильцы, наступая на управдома.—Все казенные деньги профершпилил!

— И я, граждане, виноват! — неожиданно захныкал председатель жилтоварищества.—Всю квартирную плату за сентябрь проиграл!

— Казните, православные!— заревел дворник, бросаясь на колени.—Два рубли, что на метлу дали, ухнул!

Собрание только ахало.

Вдали обиженно воняла невычищенная помойка.

Ал. Нератов

ЭЛЕКТРО-СВЯЗЬ

— А секретарша нашего спеца очень электрическую лампочку напоминает!

— Чем же?

— Близостью к своему патрону.

МИМОХОДОМ

В 1923 г. железнодорожным контролером было обнаружено по всем дорогам 194.800 безбилетных пассажиров, в 192 г. 196 тысяч и в первом полугодии 1925 г. 281.000

Друзья, печалиться нам неча,
Что банда заячья растет:
Ведь *на дороге* с зайцем встреча
В одном лишь случае несет
Беду, родя в душе тревогу:—
Когда он мчится *чрез дорогу*,
А тут совсем наоборот:
Он—по дороге с нами прет!

В. К.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ

Рис. И. Коликина

— Ну вот, недавно и столетие открытия железной дороги исполнилось...
— Господи! А давно ли я, кажется, с первым поездом по клязьминской ветке ехала?

100% АМЕРИКАНСКОЙ КРОВИ

Винница, 9. Приехавшая экспедиция „Пролеткино" инсценировала еврейский погром, во время которого было выпущено на воздух около 15 пуд. пуха В течение 3 дней пух, летая по воздуху, осаждался на одежде жителей После дождя пух осел и город приобрел „зимний вид"

Люблю я наше Госкино,
Его задор и волчьи хватки—
На ять усвоило оно
Американские ухватки!
По пьесе требуется бой
В селе, вблизи лесной опушки;
И по селу, само собой—
Из *настоящей* шпарят пушки
Но, разумеется, поэт,
Село—картонного порядка?
Конечно, нет! Понятно, нет!!
А то—какая-ж волчья хватка?
Недавно, из родимых мест
Писали мне... Ужасный случай!!
Взрыв. Стекла—в дребезги окрест;
Глухой зимой, в мороз трескучий.
Иван Иваныч Башмаков—
„Переворот"!—смекнул мгновенно
И с криком:—„Бей большевиков"!!!—
На площадь прянул вдохновенно.
Иван Иваныча—в полон;
На восемь месяцев. Дождался!..
А .. взрыв? Так что-ж, что взрыв? Ведь он—
По кино-съемке полагался.

Люблю я наше Госкино,
Его задор и волчьи хватки—
На ять усвоило оно
Американские ухватки!

Василий Князев.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Рис. Б. А.

В Москве введены остановки автобусов по требованию прохожих. („Известия")

— Чего-ж ты, щучий сын, автобус остановил, а сам не садишься?
— Так что, извиняюсь, у меня потребность прошла!

КОМЕТА БРУКСА

Рис. А. Радакова

С периодической кометой Брукса произошел в этом году такой курьез: астрономы ее обнаружили в разное время в разных частях света.

— Хвост виден отчетливо в созвездии Большой Медведицы. Угол наклона к горизонту приближается к прямому... Несомненный Брукс!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ДРАМА СКРОМНОЙ ДУШИ

„Рабочий Край" (Иваново-Вознесенск) рассказывает о том, как некий скромнейший гражданин в г. Кинешме захотел поступить в Кинешемскую почтовую контору письмоносцем на жалованье в 10 рублей. Ему предварительно преподнесли анкету, состоящую из тридцати с лишним вопросов, вроде нижеследующих:

12. Образовательный ценз.
13. Партийность.
14. Политубеждения.
15. В какой партии состоял.
16. В каких учреждениях работал, где и сколько.
29. Почему не в РКП.

Испугался анкеты скромнейший гражданин и... забрал заявление:

— Ну вас, говорит, к черту с вашей анкетой!

Правильно. Очевидно это и есть—упрощение аппарата народной связи.

В ПЫЛУ БОРЬБЫ

Существует в С. С. С. Р. станция Борковичи, Полоцкого округа. На станции, как полагается, существует начальник станции гр. Стрепков. Был гражданин сей в партии, с помощью честных людей гражданина из партии своевременно вычистили. Гр. Стрепков затаил месть в отношении всей ком-ячейки ст. Борковичи. „Звезда" (Минск) печатает нижеследующий вопль ком-ячейки:

„Куда обратиться за советом, как выйти из положения, как найти правду и где искать. *Несмотря, что наша ячейка К... состоит из 30 человек, да и беспартийных человек 40, которые очернены извергом рода человеческого, который лезет и хочет разогнать нашу всю организацию, это змей-Стрепков (начальник станции).* Вот уже три месяца, как нас мучают и не принимаются никакие меры. Склоки, ненависть, злоба и проч. Из такой сильной, дружной и объединенной ячейки (транспортная и сельская) стал развал некоторой. Хотя правду сказать, еще крепко стоим за КПБ и будем долго доказывать и бороться за дело рабочее и правду. Будем надеяться, что скоро оно выплывет и этот гад будет раздавлен".

Странное положение: вычищенный из партии один прохвост издевается над коллективом из *семидесяти человек*, а районные организации анкетами занимаются и плюют на станцию Борковичи, где семьдесят укушенных „Змеем-Стрепковым" безуспешно стараются свернуть ему шею.

ЕЩЕ О КУЛЬТ-СМЫЧКЕ

Пишут люди во владимирском „Призыве":

Большое село у нас, привольное. Населения много, немало и молодежи. Есть кому культурную работу развернуть: изба-читальня, библиотека, ячейки РКП и РЛКСМ.

Но наши культурники уж очень повеселиться любят. Избач Козлов по неделям дома гостит. Приедет на денек, напустит полную избу-читальню молодежи: *«танцуй, ребята,—это тоже развитие»*, а сам в шашки с малышами поиграет, да опять домой отдыхать поедет.

Совсем под пару ему библиотекарь Цветков, выкинувший лозунг—„полнейшее единение в работе". Увидя смазливые рожицы наших девчат, совсем растаял и, напустив на себя меланхолию, *занялся пением чувствительных романсов.*

Правильно, ребята. Хотя из избы сора и не выносят, но такого избача и вычистить можно!

РАБОТКА НА СОВЕСТЬ

Белорусская „Звезда" раскасывает о том, как работают иногда налоговые сельские комиссии. Так на один из хуторов Смоленского района прибыла комиссия:

— Созвать граждан, потребовала комиссия.

Срочно вызвали домохозяев 20.

— *У вас есть укрытая пашня,—заявляет комиссия.*

— *Нет,—клянутся хозяева.*

— *Есть, говорят вам.*

И тут же, сидя за столом, прибавляют по списку—кому десятину, кому две.

— Несправедливо,—протестуют крестьяне,—требуем землемера, пусть обмерит. Ответим за утайку.

— Никаких землемеров! Дается вам трехдневный срок для уплаты налога.

Граждане обратились в ЦИК. ЦИК велел приостановить уплату за лишне приписанную пашню. А 27 августа этого года землемер закончил работу по проверке пашни. Укрытой пашни не оказалось.

Укрытой пашни не оказалось, но интересно бы знать, не укрываются ли до сих пор в советском аппарате подобные „работнички"?

ТУАЛЕТНАЯ БУМАГА

По словам „Рабочего Края"

ГЗУ. Губземуправление прислало Середскому УЗУ форму годовой отчетности *на 52 листах тонкой бумаги.* По предположению уездного агронома, отчет УЗУ будет на *250 листах* весом *20 фунтов.*

И такая, можно сказать, туалетная бумага зря пропадет: не прочтут уважаемые спецы из ГЗУ 250 листов отчета. Будьте уверены!

О НАЛЕТЧИКАХ НОВОГО ТИПА

Сообщает письменно некий гражданин Нильский на страницах „Рабочего Края“:

БЕРЕГИТЕ КАРМАНЫ!

В наш город наехали из Москвы много воров-карманников, ловко таскающих деньги из вашего кармана, громил, добирающихся до касс при помощи фомки. С этим преступным элементом борются: наша милиция, Гуур, судебные органы.

Но наехали также мошенники высшего ранга, которые брезгуют фомкой, а обчищают наши государственные и союзные кассы иными—тонкими и вполне законными приемами.

В Москве при ассоциации художников революционной России (сокращенно—АХР) организовалось производственное бюро, занимающееся сбытом в провинцию копий известного художника Бродского—„2-й Конгресс 3-го Интернационала“. Копия картины предлагается за солидную с мму—около 400 рублей.

Агенты этого бюро за свои приемы в распространении копий картины, недопустимо развязный тон, наглое навязывание нашим фабкомам своего товара и выклянчивание авансов получили в письме рабкора в нашу газету скромное название—„налетчиков“.

Рядом наших организаций уже получены копии, выполненные эт м бюро. Копии картины не выдерживают никакой самой снисходительной художественной критики. Они представляют макулатуру самого низкого пошиба, расчитанную на то, что художественная оценка у нас совсем отсутствует.

Наш совет. *Берегитесь взломщиков, примазавшихся ко всяким революционным организациям и под их фирмой делающих налет среди белого дня на провинцию.*

Не давайте очищать рабочие денежки.

Берегите карманы.

И выходит что АХР на Иваново-Вознесенском наречии превращается в... Ассоциацию хороших разбойников.

Правильно, товарищи. В таком случае—берегите карманы! Наше скромное предложение: впредь будьте умны и вместо 400 рублей, выбрасываемых на ветер, подписывайтесь на „Смехач“ (всего 60 коп. в месяц!!!) Гарантируем безопасность, доброкачественность и целебное действие на организм.

А с налетчиками ничего общего не имеем, не имели и иметь не будем!

ПО МЕСТКОМАМ

Пишет нам московский корреспондент:

В месткоме сотрудников Транспечати мирно уживаются, примерно, следующие предметы:

1) секретарь, 2) диаграммы, лозунги, 3) портрет В. И. Ленина, 4) Знамя в углу,—а под знаменем: 5) шесть корзин пивных бутылок и 6) гитара.

Сострите что нибудь по сему случаю.

Извольте, острим:

— Ну и свиньи!

Опасаемся, что более тонкого остроумия местком транспечати не поймет, будучи в пивном трансе.

РАЗНАЯ КРЕПОСТЬ

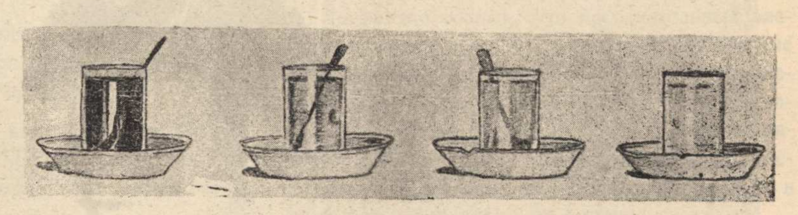
В столовой Ленинградского Торгового Порта—

стакан чая стоит 5 коп, покрепче 10 коп и т. д.

Мы командировали своего художника в некоторые столовые для ознакомления с разными сортами чая.

Получилась изумительная научно-необъяснимая картина.

Смотрите, уважаемый читатель:

стакан самого крепкого чая—15 коп.

пожиже—10 коп.

еще слабее—5 коп.

и, наконец,—прозрачный, как вода—и вдруг цена ему—1 р. 20 коп. И даже без ложки!

В чем дело? Непонятно. Может, кто догадается,—просим срочно сообщить.

ФОРМУЛЯР о. ШЕВЧИНА

В с. Нестеровке, на Уманьщине, жил священник Косьма Шевчин. Произошел у этого отца кровопролитный мордобой с церковным старостой. Выперли батю из прихода.

Отец Косьма обращается за помощью в РИК, к приятелям. Там ему выдали такую бумажку „за № 1645“ (Харьковский „Коммунист“).

„Свидетельство.

Дано сие гр. Шевчину, Косьме Акимовичу, в том, что он—священник села Нестеровки, Маньковского района, Уманьского округа. Гр. Шевчин безукоризненной честности, весьма сочувственно относится к советской власти, *как священник, всегда стоял на высоте своего призвания;* за службу довольствовался кто что даст и никогда не было случая вымогательства; *обращение с прихожанами чисто-отеческое, называл каждого „сыном“ и „моя дитина“;* службу оставил в Нестеровке из-за личных счетов с председателем и секретарем церков ой рады“...

Удивительная штука!

Остается теперь поднести о. Косьме почетное звание—„Заслуженного народного попа“.

КРЕСТ-КЛУБ

Поэт-корреспондент сообщает со станции Иланской (Забайкальской ж. д.):

2-го ноября, в то время когда у нас уже хорошо было известно о смерти вождя Красной Армии, тов. Фрунзе, крестьянский клуб не отменил вечера и ликования. Повсюду на углах были развешены афиши, при чем одна была написана на портрете М. И. Калинина, висевшем до этих пор в читальне. Вот, что было написано на портрете-афише, который после вечера валялся на полу крест-клуба в грязном виде:

„Крест-клуб 2-го ноября:

Проездом будет дан только один концерт-спектакль солиста-скрипача А. Красовского и артиста драмы П. Михайловского.

Программа: Концерт. народная и камерн. миниат. музыка. Два монаха, (?? что еще за монахи).

По этому п воду корреспондент сочинил стихи:

Иланцы вовсе помешались
На танцах, драмах, скрипачах,
И жить они без них не могут,
Кричат: давай, давай сюда!
Они же, чужды сожалений,
На калининском портрете
Малюют радости слова
И весят после на дверях.
Веселы песни отгремели,
Пошли народы по домам,
Портрет Калиныча валялся
Совсем ненужный никому...

Да будут эти стихи осиновым колом заправилам иланского крест-клуба.

ДОКОЛЕ?

„Трудовой Аджиристан“ пишет:

— Почти во всех духанах*) висят портреты вождей революции. Портреты изодраны, запачканы.

Следовало бы изъять их оттуда.

Который год вопль по Союзу стоит: не место вождям революции на кабацких стойках! Однако до сих пор любой трактирщик Союза считает своим долгом повесить Ленина на стенку, а в дни Октябрьских торжеств в Ленинграде сам „Смехач“ с болью в сердце наблюдал, как *в гастрономических витринах, между чайной колбасой, ветчиной и семгой безголовые люди из Гос-Пищетреста и поборники Кооперации устанавливали бюсты и портреты т. Ленина. И не нашлось в Ленинграде человека или учреждения, которое бы сказало дуракам, что они—дураки?!*

***) Духан—кавказский кабачок—среднее между нашей пивной и трактиром.**

ТИПЫ БУДУЩЕГО

Рис. Б. А.

Нищий

ЗАВ И КНИГА

Рис. В. Лебедева

— А наш зав очень книгу напоминает!
— Чем же?
— А вот, сперва его пропечатали, затем он в переплет попал, и вообще, купить его, когда хочешь, можно!

ЗОЛОТОЙ ФОНД

Перед Мосздравотделом возбужден вопрос о бесплатной вставке застрахованным рабочим и служащим золотых зубных протезов, в тех случаях, когда это является необходимым.

Дорогая тетенька!

При сем прилагаю моментную фотографию и очень жалею, что вы не можете видеть по случаю закрытия рта мои новые золотые зубы за счет СССР.

У меня целый мост! Вот, при старом режиме и в кошельке столько золота не было, сколько во рту сейчас.

Спасибо Микешке, что по пьяной лазочке двинул, а только это секрет, как я заявлял, что на войне выбило.

Представьте себе, тетенька, что я даже простую ржаную корочку и ту кусаю золотыми зубами... А блестит как—особенно, на солнце. Я даже нарочно много смеюсь. Жаль только: у нас солнца мало.

Со шпаной теперь дела не имею потому, что каждый раз новые вставлять не будут, как сейчас, вообще, замирение и на войну не свалишь.

В пивной больше все помалкиваю, чтобы сокрыть свой золотой фонд от аннексии и контрибуции пьяной сволочью.

Стал нонеча в клуб ходить на предмет собственной политпросветиции и думаю скоро вообще, пивную ликвидирнуть. В клубе все-же спокойней.

Егор, тетки Пелагеи сын, тоже раскатился на золотые, да только не прошло: из кости ему делают. И, действительно, каждый захочет золотые, другой даже свои здоровые охотно поменяет. Разве мыслимо? Это которым за особые заслуги, примерно, ветеринары войны... нет, ошибся: ветеринары — лошадячьи доктора... вете... ветераны, во! ветераны войны. А, впрочем, Егор из зависти к моим зубам грозится, что разменяет мое золото, что во рту, на мелочь.

Неприятно только, что несознательный элемент считает меня буржуазиатом, а того не понимает, что мне, как застрахованному пролетариату, золото отпущено СССР'ом, и мое полное право блестеть зубами. И что через накопление золота во рту не меняю своего происхождения, как есть это золото по норме и в один рот сотни зубов не сунешь.

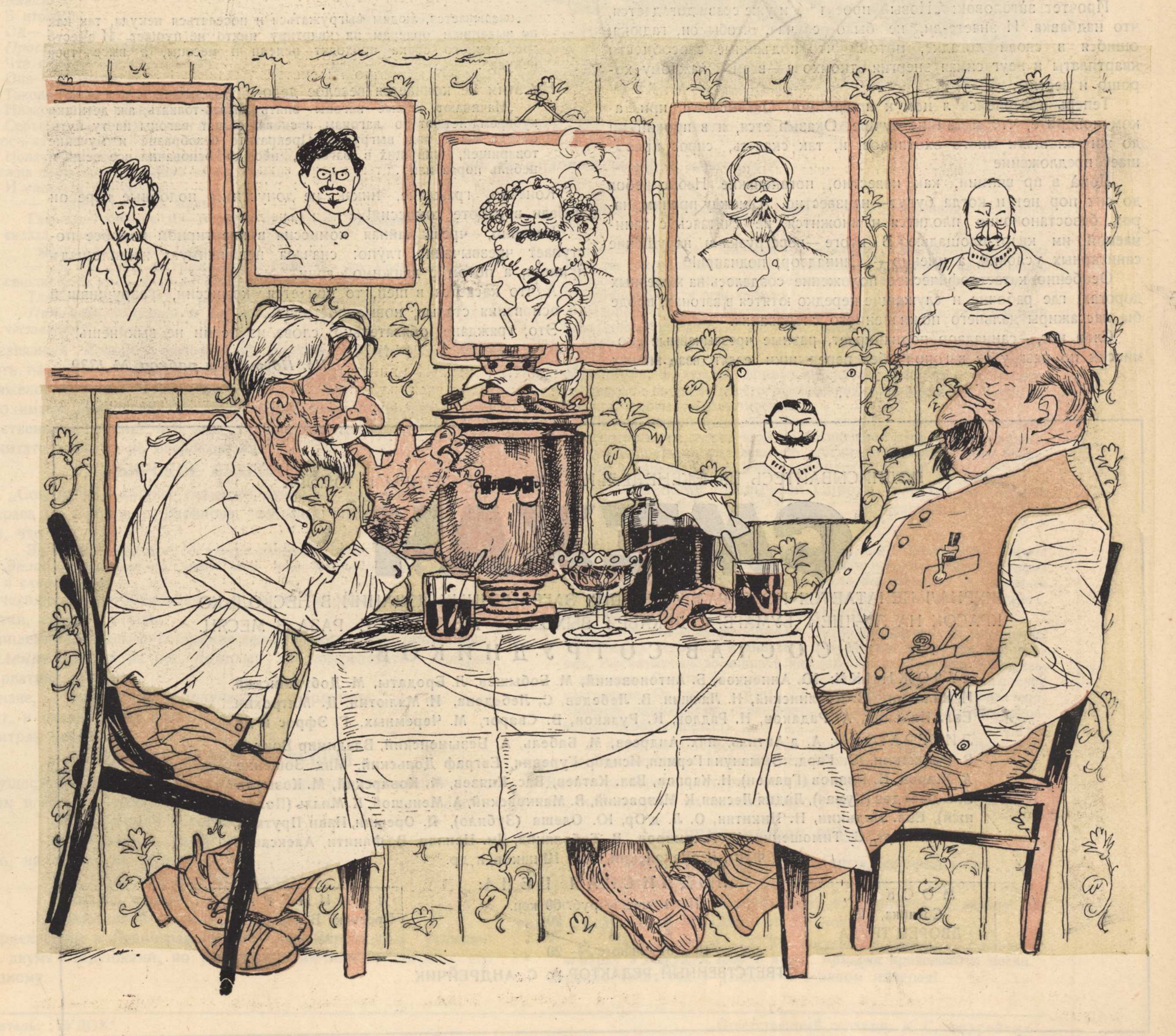
В общем, как видите, и от золота огорчение. Остаюсь племянник ваш Никита, а письмо доставит на почту—

Исидор Гуревич.

50 + 50

Рис. Б. Антоновского

20-го ноября исполнилось 50 лет М. И. Калинину.
24-го ноября исполнилось 50 лет А. В. Луначарскому.

— В общем и целом, Михал Иваныч, мы сейчас с вами все одно, что Совет Труда и Обороны: как ни как—сто.

ДВИЖИМАЯ ЖИЛ-ПЛОЩАДЬ
или
ВРЕДНЫЕ ПЕРЕБОИ.

С квартирками, граждане, нынче туговато. Не говорим о крупных столичных городах—там окончательно не продохнуть: настолько измельчала жил-площадь, что житья на ней нету.

На квадратных метрах живут и с метра платят.

И до чего мелкие квартирки—уму непостижимо.

Есть, например, *сидячие* квартирки на одну персону.

Ты, например, вошел в такую квартирку и сиди, потому что встать—высота не пущает, а лечь—широта препятствует: ноги некуда подать. Конечно если при этом окошко в наличии и время летнее, то можно очень просто выпростать указанные ноги на вольный воздух, на холодок (что, заметим, рекомендуется даже научной гигиеной). Но, граждане, ежели окошко выходит на улицу с электрическим светом и шумным движением,—тогда, конечно, рекомендуемый способ безоговорочно отпадает: тогда, граждане, ваши ноги, с точки зрения городского благоустройства и красоты, весь домовой фасад испортят. И жильцу в такой квартирке остаётся терпеливо сидеть, подобрав ножки, и рассуждать насчет квартплаты следующего месяца: мол не прибавят-ли.

А нужно заметить, граждане, что в городе ничто другое так легко не подымается, как квартплата: очень она лёгкая для подъёма.

В некоторых столичных газетах даже такие постоянные заголовки отлиты: „Новый проект квартирной платы" или „Отчего повышается квартплата", вроде ежедневных—„Отхода поездов" и „Умерших".

И замечательно, до чего хитер и догадлив обыватель!

Прочтет заголовок: „Новый проект"—и уже сразу догадается, что надбавка. И знаете-ли, не было случая, чтобы он, гадюка, ошибся в своей догадке, потому что подъемные способности квартплаты и неугасимая энергия откомхоза—всем и каждому хорошо и вестны.

Теперь повернемся лицом к провинции. Оказывается, при таком повороте, что и там не лучше. Оказывается, и в провинции до жил-площади много охотников, и, так сказать, спрос превышает предложение

Дома в провинции, как известно, поганенькие. Небоскребов до сих пор нет и когда будут—неизвестно. А между прочим, народ безостановочно плодится и множится, не считаясь с занимаемой им кварт-площадью. В итоге—перегрузка и нарушение санитарных условий, а именно—„Саннадзор, поднапри!"

Особенно катастрофическое положение создалось на железных дорогах, где рабочие и служащие нередко ютятся в вагонах, вроде бы пассажиры дальнего пожизненного следования.

Слов нет,—саннадзор поднапирает, разные чрезвычайные „комиссии по разгрузке вагонов" без передышки ездят взад-вперед по рельсам, а пользы от этого, как говорится, даже кот не наплакал. Что касается комиссий, то в их работе замечаются прямо-таки вредные перебои.

Например, слушайте, граждане, про одну весьма чрезвычайную комиссию, приехавшую недавно из Тифлиса в Баку.

> „Что же эта комиссия делает? А вот что: выдает жильцам вагонов ордера на освобождение *в трехдневный срок* вагонов и назначает переселиться к кому нибудь на квартиру, в другое семейство. А нач-ку станции Баку комиссия предписывает немедленно подать занятые жильцами вагоны под выгрузку к военной платформе".

Комиссии что? Комиссии горя мало: приехала, чрезвычайно пошумела, чрезвычайно пописала—каждому ордерок в зубы—и катай дальше.

А тут, граждане, на местах и начинаются перебои.

„Во исполнение предписания", нач-к станции Баку направляет к жилым вагонам маневровый паровоз.

> „Днями и ночами катают жилые вагоны. При толчках маневрового паровоза, разбивают вещи и „небиль" (повидимому, так в шутку, рабкор называет бьющуюся мебель). Каждую минуту может вспыхнуть пожар, если у кого из жильцов вагона горит лампа или керосинка.

И вот подают жилые вагоны к платформе.

— Вылазьте, что-ли!—командует нач-к станции:

— Легко сказать!—отвечают жильцы:—А куда, например?

— На новые квартиры. Чай вам ордера даде ны!

Действительно, ордера по всей форме: номер, печать, „трехдневный срок" и всё такое, законом установленное.

Однако же,—

> „оказывается, людям выгружаться и поселяться некуда, так как по выданным ордерам на квартиру никто не пущает. И вместо трехдневного срока проходят недели и месяцы, а выселяться некуда".

Но этим не кончается веселое дело.

> „Начинают жилые вагоны опять катать-толкать, аж детишки кубарем летают по вагонам, и снова ставят вагоны на ту путь, откуда взяли под выгрузку. Прекратите безобразие и мучение товарищей, живущих в вагонах, ибо до основания все вещи и небиль поразбили".

Конечно, граждане, никак не допустимы подобные перебои мебели в работе комиссий!

Конечно,—чрезвычайная комиссия в квартирном вопросе поступает чрезвычайно глупо: сначала недвижимую жилплощадь ищи, а потом с движимой гони.

А что касается вещей, то придется комиссии, разрушившей до основания старые, новые построить.

Это, граждане, обязательно: слова из песни не выкинешь!

Ив. Прутков и рабкор № 1339.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. С. АНДРЕЙЧИК.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ВЕЛИКИЙ МИНСКИЙ ЯЗЫК

Образец чистого русского языка из Минской „Звезды“ (Кино-рецензия): —

Единственно хорошего в „Палачах“ это — прекрасные виды Нижнего-Новгорода.

Это тот самый язык, по поводу которого покойный Тургенев неоднократно восклицал: „о, великий, свободный... Минский язык“!..

АЛЛО! РЕЧЬ ИДЕТ О КАЧЕСТВЕ!

(Праздничная проза)

Под таким громким названием Батумская газета „Трудовой Аджаристан“ печатает пламенный призыв к молодежи об улучшении работы на всех фронтах в частности автор касается любовных дел и отводит им главу „качество любви:“

„Нынче маменька и без мужа живут, что с мужем... Дошла до куста, под кустом обвенчалась—и дело в шляпе. Это у них гражданским браком называется“.

Салтыков Щедрин.

Получается через это смазливая, дряненькая пародия на любовь.

И радость познания и слезы раскаяния. И облегчение и груз. И улыбка и предчувствие.

В итоге—
Он—
Прости мое созданье,
Что я *нарушил твой* покой.
Она—„*О зачем*“?!

Такова-то теперь *молодежная* любовь.

Низкосортная, низкокачественная.

Серьезности в ней нет—вот беда! Крылатый Эрос—да и только!

Новая молодежь, молодежь Новой Эпохи, должна *повысить качество своей любви.*

И споры и разговоры:
— „Как? Чем? Как жить?“.

Главное—помните (!)—мерило любви—ее серьезность, я бы сказал, *плановость*, и продолжительность.

Выслушайте кстати Чехова:

— „Я сам стою за гражданский брак. Но по моему, если раз сошлись, то надо жить до самой смерти“.

Тяжело? Невозможно? Скучно? Серо? Монотонно?

Понимаю, понимаю, и все таки—это формула высококачественной любви.

Развязный молодой человек из Батума обязательно хочет острить на тему о „молодёжной любви“.

Тяжело? Скучно? Монотонно?

Понимаем. Понимаем. Но таков стиль батумского фельетона. Единственное утешение, что *это—праздничная проза.* В будни дни читатели могут не беспокоиться.

СИБИРСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

В „Советской Сибири“ помещен отчет о докладе Уполнаркомздрава по Сибири т. Баранова, который уверял слушателей в том, что

Эпидемиологическое состояние делается более благополучным. *Эпидемии сходят на нет. Пока что свирепствует малярия и скарлатина.*

Очевидно, по обыкновению, в отчет вкрались „досадные“ опечатки, следует читать:

Эпидемиологическое состояние делается *менее* благополучным. *Население* сходит на нет, *потому* что свирепствует малярия и скарлатина.

Иначе, непонятная получается скарлатина: и на нет сходит, и свирепствует во-всю.

Хитрая бестия!..

СИРОТА И ДВЕ СТАРУШКИ

Существуют стишки про бедного сироту, блуждавшего по улицам в горьком раздумьи:

Кто накормит и согреет,
Боже добрый, сироту?

Но, на сиротское счастье—
Той дорожкой шла старушка,—
Услыхала сироту,
Приютила и согрела...

Приехавший в Ленинград пианист Лео Сирота был услышан сразу двумя старушками, но увы! они приютили и согрели его по-разному.

Старушка из Вечерней „Красной Газеты“ надавала печатных тумаков:

Новый гастролер Филармонии—пианист Сирота—ни в какой мере не оправдывает предшествовавшей рекламы, восторженно уверявшей, будто он один объединяет в себе и Листа и Бюлова и Рубинштейна, и еще кого-то.

Наоборот, слушая Сироту, невольно припоминаешь классический квартирный анекдот: „И чего там только не было“!..

Действительно, охарактеризовать Сироту легче всего именно тем, что в нем отсутствует.—Ни пульсации ритма, ни четкости фразировки, ни чувства формы, ни чутья колорита, ни умения планировки, ни даже простого понимания свойств и выгод пианизма, вообще, а своего—в частности.

Сирота—серый музыкант, правда, хорошо владеющий техникой инструмента, но дальше этой чисто внешней стороны не идущий. Его интерпретация не только не убедительна, но просто беспомощна и наивна. Так в Ленинграде играть нельзя!

И совсем бы погиб горемычный Сирота, если бы не добрая старушка из „Новой Вечерней Газеты“, написавшая о той же встрече с Сиротой:

Мало кто помнит, что пятнадцать лет тому назад Лео Сирота концертировал в Ленинграде, но те, кто слышали его в то время не узнали бы его сейчас. Смешно было бы говорить о каких-то успехах после вчерашнего выступления, показавшего Сироту, законченным пианистом крупного масштаба.

Первое, что приятно поражает в концертанте—это вдумчивое, на редкость серьезное и вместе с тем отнюдь не сухое исполнение. Высказываясь до конца в каждой фразе, бережно относясь к деталям, Сирота в каждую исполненную вещь вносит свое настроение. От своего учителя Бузони, пианист унаследовал способность разнообразно окрашивать голоса, что придает его исполнению особую прелесть.

С большим интересом можно ждать следующего выступления, где Лео Сирота исполнит Брамса, Шопена и Листа.

Вот и разберись, которая божья старушка права?!

Ах, плохо, если на одного Сироту навалятся две старушки!..

ЗА СПАСЕНИЕ ПОГИБАЮЩИХ

(Тайники обывательской души)

Рис. К. Рудакова

— Молодой человек, это вы вытащили мою жену из-под ломового!
— Я.
— А где же ее розовый шарф в клеточку!?

ПЕРЕМЕНЧИВЫЕ ВРЕМЕНА

У людей легкомысленных, непостоянных, случалось по „семи пятниц“ на неделе, но чтобы было два марта в одном году— новость, можно сказать, беспримерная в летописях, а между тем пишет „Беднота“ в № 2258—от 12 ноября:

— Наркомвнуторг СССР постановил открыть Бакинскую ярмарку *в текущем году* 1 марта. Ярмарка продолжится месяц.

Странно течет год у „Бедноты“: задом наперед!

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит № 3589. Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 60.000 кз.

ПРЕКРАСНАЯ МАРИАННА

Рис. Л. Бродаты

Подавляя восстание, французы залили Дамаск кровью.

— Мимо этих дикарей никак не пройдешь, чтобы не запачкаться в крови!..